

3. Крылова М. Н. Рок-поэзия как современная форма существования поэзии: стилистические особенности текста. Зеленоград, 2014.
4. Кормильцев И., Сурова О. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь, 1998.
5. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хроно-топ. 1993. № 4. С. 5–24.
6. Сэлинджер Дж. Над пропастью во ржи. М.: Издательство «Э», 2016.
7. Официальный сайт группы «Би-2». URL: <https://bdva.ru/index/>

УДК 82

П. В. Симилова (г. Саранск)
Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева

Художественное своеобразие книги стихов И. Лиснянской «Одинокий дар»

В статье рассматривается художественное своеобразие книги стихов И. Лиснянской «Одинокий дар». В ходе исследования выявляются её проблемно-тематическое своеобразие, ведущие мотивы и образы. Делается вывод о доминировании философской составляющей книги стихов, а также о близости лирической героини образу самой поэтессы.

Ключевые слова: И. Лиснянская, современная поэзия, книга стихов, жанровое своеобразие, философская тематика, лирическая героиня

Книга стихов И. Лиснянской «Одинокий дар» (2003) представляет собой вариант редакторской книги стихов. Она была составлена супругом поэтессы Семеном Липкиным. «Я не берусь определить масштабы поэтического дарования Инны Лиснянской, но очевидна истинность этого дарования» [7], – писал он ещё в то время, когда на авторов «Метрополя» были гонения.

Для начала обратим внимание на метафорическое название книги – «Одинокий дар». В нашем понимании такой дар – это одновременно и бремя, и своеобразная метка, которая присуща носителям определенного взгляда на мир. Поэты, обладающие «одиноким даром», видят и слышат, по нашему мнению, чуть больше других.

Заметим, что сквозной темой книги стихов является философское осмыслении жизни. Однако с данной тематикой переплетаются другие темы и

мотивы (любовные, пейзажные, религиозные), что во многом обогащает ее идейно-художественное содержание.

Название всей книге дало стихотворение «Одинокий дар». Приведем строки из него: «Кому-то счастливый / Отпущен дар – / Крылатый, крикливый, / Как птичий базар. / Кому-то степенный / Отпущен дар – / Весомый и тленный, / Как в лавке товар. / Кому-то волшебный / Отпущен дар – / Как будто целебный / Цветочный нектар. / А мне одинокий / Отпущен дар, / Сухой и жестокий, / Как в море пожар» [6].

Отметим, что мотивы дарования и одиночества тесно связаны. Поэтесса приводит в пример дары разные: «счастливые», «степенные», «волшебные» и «одинокие». Трактовать это можно с разных точек зрения, однако, на наш взгляд, в произведении идёт речь именно о даре поэтическом. Вспомним, например, что к осмыслению «счастливого» дара обращались многие лирики: А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев, А. А. Фет, В. В. Маяковский и др. А Лиснянская, касаясь темы поэта и поэзии, актуализирует именно «одинокий дар» – значение этого понятия помогает раскрыть и сложная архитектура книги, состоящая из 12 разножанровых частей: «Виноградный свет», «Дожди и зеркала», «Из первых уст», «Воздушный пласт», «Поэмы», «Ветер покая», «Триптихи», «Музыка и берег», «Тихие дни и тихие вечера», «Старое зеркало», «В пригороде Содома», «Гимн».

Более подробно остановимся на двух частях книги: «Виноградный свет» и «Дожди и зеркала». Они являются первыми двумя из представленных двенадцати частей.

В первой части – поэтическом цикле «Виноградный свет» – обнаруживаем множество волнующих автора тем: прошлого и настоящего, смерти, любви, одиночества. И. Лиснянская не впервые касается их в своих произведениях. К примеру, весь цикл стихов «Без тебя» пронизан этими же мотивами. Кроме того, все это осмысливается поэтессой с философской точки зрения.

В данной части наше внимание привлекает интересное в звуковом отношении стихотворение «Время каждой ягоде». Отметим, что глаголы, которые использует поэтесса, имеют древнерусское окончание –ТИ (как БЫТИ, ИМАТИ): плакати (два употребления), думати. Такая находка, по нашему мнению, использована не только в угоду рифме: «Время каждой ягоде / Знаю наизусть. / Мне бы надо плакати, / Ну, а я смеюсь. / Вспомните – забудете, – / Сквозь года смотрюсь. / Мне бы надо думати, / Ну, а я смеюсь / И, как утка в заводи, / За воду держусь. / Мне бы надо плакати, / Ну, а я смеюсь» [6].

На наш взгляд, данный прием усиливает драматический пафос стихотворения, приближает стих к древнерусской традиции, подчеркивает связь лирической героини к образу Ярославны, скорбящей по своему мужу. Использование подобных глаголов позволяет обобщить художественный образ лирической героини, сделать его вневременным.

В продолжение древнерусской тематики рассмотрим другое стихотворение – «Забвенья нету сладкого»:

Забвенья нету сладкого,
Лишь горькое в груди, –
Защиты жди от слабого,
От сильного не жди.

Такое время адово
На нынешней Руси –
Проси не у богатого,
У бедного проси.

Наглядны все прозрения,
Все истины просты, –
Не у святых прощенья,
У грешников проси [6].

Тема данного произведения также философская. Снова мы видим тонкую нить, соединяющую современные реалии и прошлые времена. Такое уже наблюдалось в книге стихов «В пригороде Содома», где И. Лиснянская через призму своей лирической героини обличала современность, сравнивая ее с библейскими городами Содомом и Гоморрой.

Важным здесь является то, что «нынешней Русью» поэтесса называет СССР. Пока еще не Россию, так как произведение написано в 1967 году. С помощью антитез «слабый» – «сильный», «богатый» – «бедный», «святой» – «грешник», «сладкий» – «горький» автор подчёркивает «неправильность» этого мира, в котором всё перевернуто.

Тема «перевернутости» мира затрагивается и в стихотворении «О как слова меня томили!», в котором сказанное перестаёт таить в себе свой «второстепенный смысл»:

И постепенно всё менялось,
Назвался иней серебром,
И жизнь уже не совмещалась
С моим печальным ремеслом [6].

Кроме того, в этом произведении идет речь о несвободе слова в Советском Союзе, а следовательно, и о том, что поэзия И. Лиснянской не вписывается в парадигму власти. Ей приходилось будто бы прятаться: «Она (жизнь. – П. С.) была перед глазами / И всё же пряталась меж строк, – / Так между книжными листами / Кленовый прячется листок» [6]. И словно предсказывая грядущие изменения, рука поэтессы выводит строки: «И только перед ликом смерти / Всё обрело свои места. / Стал гвоздь гвоздём в своём отверстье, / И стала небом высота». Здесь следует добавить, что поэтесса покинула этот мир в 2014 году, когда после распада СССР прошло 23 года.

Отметим, что в рассматриваемой нами книге встречаются фольклорные мотивы. Они так же, как и библейские, не являются «официальными» для советской поэзии. Ни того, ни другого в стране Советов быть не должно, то есть ни бога, ни черта, что, к слову, отражено и в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». «Что же это у вас, чего ни хватишься, ничего нет!» [2, с. 45] – так говорит Воланд, услышав, что ни Иисуса, ни дьявола, по мнению Бездомного и Берлиоза, не просто нет, но и никогда не существовало.

Для примера возьмем стихотворение «Ведьма», где лирическая героиня ощущает себя старухой с «сырой» клюкой, всеми гонимой и непонятой. Автор показывает амбивалентный мир, где современная действительность наполнена бесами, травлей, а сверху на эту жизнь смотрит Господь. Земля и небо – это контраст, небо недостижимо. Все земное – это зола, уничтожение всего справедливого и честного. Автор философски осмысливает современную действительность:

Умру – пускай оденут
И в бархат и в парчу.
У ведьмы нету денег –
Лишь космы по плечу.

Господь живёт на небе,
А бесы – на земле,
И кутаясь в отрепья,
Колдую на золе,

И чёрта с чёртом ссору
Я, ведьма, голью голь,
И посыпаю солью
На завтрак ту же соль [6].

Как мы видим, часть книги под названием «Виноградный свет» – это часть философская, в которой лирическая героиня остро чувствует себя частью бытия, пытается познать то, что познать невозможно, и строит мосты между тем, что было, и тем, что есть.

Следующая часть книги, которую мы рассмотрим, – «Дожди и зеркала». Здесь важными являются темы трансформации и изменения. Вода, являющаяся основой дождя, по сути, не имеет формы как таковой. Отсюда связь с изменчивостью и непостоянством бытия, отражение которых мы видим во многих стихах И. Лиснянской.

В стихотворении «В этом доме, где дух кофейный» лирическая героиня предстает перед читателем в образе бабочки – одна из трансформаций: «Я не гостья и не хозяйка, / Не прислуга и не родня, / Не захожая попрошайка – / Просто бабочка у огня» [6]. Ощущение памяти о прошлой человеческой жизни не покидает её: «После жизни той, предыдущей, / От которой сошла и тень, / Мне блаженной судьбой отпущен / Целый век, умещённый в день, – / Прокрути его на поляне / Среди кузнечиков и шмелей! / Но дрожу на синем сафьяне, – / Неужели здесь веселей?» [6].

В стихотворении появляется образ конкретного насекомого – бабочки-подёнки. Вероятно, выбор поэтессы пал на неё потому, что только имаго подёнок живут от нескольких часов до нескольких дней. Их пребывание в этом мире настолько коротко, что само название происходит от латинского и древнегреческого – «длящийся не более дня, однодневный, мимолётный» и «крыло» [1]: «Для того ль судьбой бестолковой / Пепел в бабочку превращён? / День июльский – век мотыльковый, – / Боже мой, догорает он!» [6].

Подобное сравнение с бабочкой – это символ самоотдачи поэта, его быстрого сгорания, так как он всего себя отдает людям, вбирает всю боль мира. Как мы видим, в стихах И. Лиснянской много автобиографического, близкого судьбе самой поэтессы.

Так, например, в стихотворении «Мой отец – военный врач» есть следующие строки: «Не пишишь еврейкой, дочь, – / Мне наказывал». Действительно, в биографии поэтессы был такой эпизод, когда в графе «национальность» она, пренебрегая своей безопасностью, вопреки советам написала правду. Это было во время поступления в университет. Кроме того, отец поэтессы действительно был врачом, который погиб во время Великой Отечественной войны: «Мой отец – военный врач, / Грудь изранена. / Но играй ему, скрипач, / Плач Израиля! / Он за музыку, как пульс, / Нитевидную, / Отдал пенсию, клянусь, / Инвалидную. / Он, как видишь, не ловкач – / Орден к

ордену, / Но играй ему, скрипач, / Не про родину. / Бредит он вторую ночь / Печью газовой, / – Не пишись еврейкой, дочь, – / Мне наказывал» [6].

Заметим, что данная часть имеет драматическую тональность. Ведь трансформация – это не только новая жизнь, но и предыдущая смерть. В итоге тема смерти в философском её понимании переходит из одного стихотворения в другое: «Средь мёртвой тишины / Мне ветер напевал: / Не выйти из войны / Тому, кто воевал! / Среди крошечной тьмы / Бездомный ветер пел: / Не выйти из тюрьмы / Тому, кто в ней сидел! / Оглохла. Но стервец / Допел своё вдали: / Не жди! Скорей мертвец / Воспрянет из земли!» [6].

В рассматриваемой части книги мы замечаем упоминание еще одного «дара» И. Лиснянской – «наследственный плакальщицы дар». Без сомнения, это так, ведь, к примеру, книга стихов «Без тебя» как раз являет собой своеобразный плач по своему возлюбленному.

В рассматриваемой же книге находим стихотворение «Ни красы божественной». По нашему мнению, здесь героиня также плачет, но уже о падении Российской империи. Эту мысль нам навевают образы двуглавого орла и лилии – символ России и геральдический цветок: «Лилия не вправлена / В локон завитой, / А душа отравлена / Кровью пролитой. / Воля и насилие / Пили заодно / Из бурбонской лилии / Алое вино, / Пулей делу правому / Прологая путь, / И орлу двуглавному / Прострелили грудь» [6].

Лирическая героиня, чувствуя себя частью библейской истории, плачет о жестокости мира, жертвой которой стал не просто царь, но образ всей монархической России: «Об орле и лилии / Мне ль сейчас страдать, / Правнучке Рахилевой / Есть над чем рыдать» [6].

Таким образом, как мы смогли убедиться, обе части рассматриваемой книги – «Виноградный свет» и «Дожди и зеркала» – философские. Автор размышляет о вечности, судьбе, истории, добре и зле. Сквозь призму философских мотивов И. Лиснянская скорбит о современной России, размышляет о роли поэта в современном обществе. Драматическая тональность становится смыслообразующей для всей книги «Одинокий дар». Лирическая героиня И. Лиснянской примеряет на себя различные образы: бабочки, ведьмы, правнучки Рахили – и тем самым показывает читателю мир с разных точек зрения.

Литература

1. Бабочка-подёнка. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Подёнки>
2. Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Мастер и Маргарита; Письма / редкол.: Г. Гоц, А. Караганов, В. Лакшин, Е. Земской; коммент. Г. Лескиса, В. Гудковой, Е. Земской. М.: Худож. лит., 1990. 734 с.

3. Гудкова С. П. «Мир спасет красота...», или Современная проза в поиске утраченных ценностей // Финно-угорский мир. 2015. № 1 (22). С. 121–123.

4. Гудкова С. П. Современная русская поэзия (проблематика, поэтика, судьбы крупных жанровых форм): монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. 300 с.

5. Гудкова С. П. Специфика художественного преломления блоковских традиций в книге стихов П. Громова «Вне» (2014) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11–12. С. 45–50.

6. Лиснянская И. Одинокий дар: стихи, поэмы / сост. С. Липкин. М.: ОГИ, 2003. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/lisn3.html>

7. Сорок пятая параллель. Инна Лиснянская // 45-я параллель. 2010. № 22 (154). 1 авг. URL: https://45parallel.net/inna_lisnyanskaya/

УДК 82.161.1

*Д. Н. Черниговский (г. Киров)
Вятский государственный университет*

Д. Н. Овсяннико-Куликовский о личностном своеобразии Пушкина

В статье рассматривается попытка реконструкции личностного своеобразия А. С. Пушкина, осуществленная выдающимся дореволюционным филологом, крупнейшим представителем психологической школы в русском литературоведении академиком Д. Н. Овсяннико-Куликовским. Дается объективная оценка книги ученого о великом русском поэте, определяется ее место в истории изучения личности и творчества Пушкина.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, психологическая школа в литературоведении, психология личности Пушкина

Одним из значительных достижений Д. Н. Овсяннико-Куликовского (1853–1920) как представителя психологического направления в русском академическом литературоведении является его монография «Пушкин» (1909). В своем обстоятельном исследовании, посвященном Овсяннико-Куликовскому, Н. В. Осьмаков достаточно подробно проанализировал пушкиноведческий труд ученого [4]. Однако, обратив исключительное внимание на рассмотрение Овсяннико-Куликовским вопросов психологии пушкинского творчества, советский исследователь не коснулся важного аспекта дореволюционной монографии, а именно вопроса о своеобразии пушкинской лич-